

“Люблю грозу в начале мая...”

О наименованиях грозы, молнии, грома в русском языке

© В. М. КАСЬЯНОВА,
кандидат филологических наук

Анализируя роль природных явлений в жизни человека, можно отметить, что состояние погоды (ветер, температура окружающего воздуха) было очень для него важно. Гроза, молния и гром всегда внушали ужас и страх, заставляли преклоняться перед могуществом природы, признавать слабость и незащищенность человека перед стихией. Не случайно в многочисленных памятниках фольклора гром сравнивается с голосом бога, а яркие зигзаги молний – с его пальцами или оружием. Громовержцы Зевс, Юпитер, Тор, Перун считались самыми могущественными богами, их власть признавалась неоспоримой, а места, куда попадала молния, приравнивались к священным. С развитием естественных наук мистическое обожествление грозы, молнии и грома уступило место научному толкованию данного атмосферного явления, и только история некоторых названий сохраняет в себе отзвуки былого.

Многие слова, обозначающие это явление, относятся к древнейшему пласту русской лексики. Существительное *гроза* является общеславянским по происхождению и имеет соответствия в других индоевропейских языках. Относительно его происхождения выдвигаются две

точки зрения, первая из которых связывает русское *гроза* с литовским *graza* “угроза; отвращение”, а вторая – с семантической параллелью в литовском и латышском языках (лит. *grąžoti* “угрожать”, лтш. *grezuot* “угрожать”), идущей к греческому *gorgos* “ужасный, страшный, дикий”, древнеирландскому *garg* “суровый” [1. Т. I. Вып. 4].

Первоначальное значение слова *гроза* вовсе не было равносильно современному. В ранних письменных памятниках оно означало “угрозу; страх, ужас”: “Паки начать оттоле бранити ему, овогда ласкою, овогда же грозою”; “Взиде гроза их над всеми людьми” [2].

Но уже в древности слово *гроза* в результате метафорического переноса получило и другие значения, основными из которых были (кроме уже указанных) “гнев”, “строгость”, “гроза”, “ад, преисподняя”, “строгий человек”, а также диалектные “много”, “давно, долго”. В течение столетий практически все они сохранялись, но их последовательность при описании семантики данного слова в словарях изменилась, так что этимологически исходное “угроза, страх” начало восприниматься как вторичное.

В современном русском языке наиболее распространено значение “атмосферное явление”, хотя, по данным лексикографических источников, в XI–XIX веках оно занимало лишь четвертое-пятое места среди всех остальных значений [3–6].

Первые фиксации слова *гроза* в качестве обозначения видимого и звукового проявления атмосферного электричества относятся к концу XII века – времени создания “Слова о полку Игореве”: “Солнце ему [Игорю] тьмою путь заступаше; ночь стонуши ему грозою птичь убуди”.

Позже это значение становится все более распространенным и основным: “Гроза прошла, и ветка белых роз в окно мне дышит ароматом. Еще трава полна прозрачных слез, И гром вдали гремит раскатом” (Блок. Гроза прошла...).

Но в художественной литературе встречается и употребление слова *гроза* применительно к обозначению каких-либо душевных переживаний, крушений, разочарований: “Что значит какой-то ливень или сено, когда тут на глазах погибает живая душа... Там, по душе живой, тоже прошла гроза, та внутренняя гроза, которая страшнее вот этой” (Мамин-Сибиряк. Искусшение о. Спиридона).

Словосочетания *гроза разразилась*; *гроза висит* над кем-либо, *вынести грозу* и т.п. синонимичны слову *гроза* в одном из его древнейших значений – “беда, опасность”: “[Шуйский] Сомненья нет, что это самозванец. Но, признаюсь, опасность не мала. Весть важная! и если до народа Она дойдет, то быть грозе великой” (Пушкин. Борис Годунов). В уральском диалекте *гроза* обозначает “беду, вред”: “От сусликов тоже гроза бывает” [7].

Слово *гроза* может выступать и применительно к характеристике “существа, предмета, явления, внушающего страх, ужас” [8] – здесь во-

едино сливаются значения “строгий человек”, “страх, ужас” и “гнев, строгость”, в некоторых словарях выделяемые как самостоятельные: “Среди вас находится доблестный партизан, гроза белых – Андрей Осипович Бреднюк... – сказал Алеша маленький” (Фадеев. Последний из Удэге); “Муромский воевода пожаловал мне одного солдата для приведения мужиков в послушание. В село с сей грозой приехал я уже под вечер” (И.И. Лепехин. Дневниковые записки. 1771).

Значение “суровое, устрашающее обращение с кем-либо, угрозы” Словарь современного русского литературного языка относит к *просторечным* и *устаревшим*: “[Недвига:] Да ты бы Не все грозой, а иногда и лаской; И дуги гнут не вдруг, а прежде парят” (А.Н. Островский. Воевода) [8].

Таким образом, для семантического развития слова *гроза* характерно сохранение у него на протяжении столетий общего набора значений при одновременном изменении их иерархии и выдвижении в позицию основного – “атмосферное явление”.

В ранних памятниках письменности синонимом слова *гроза* в старом значении “беда, напасть” могло выступать и существительное *гром*: “Бытии грому великому, идти дождю стрелами...” [2].

“В то время в ночь бысть туча грозна и страшна велми, молния и блистания и гром страшен зело..., и он взя перемирье, убоявшееся страшния и грозныя тоя тучи” [2] – значение слова *туча* в данном летописном отрывке необычно. Как считал Срезневский, в древнерусском языке существовало два омонима: *туча* – “большое, чаще темное облако” и *туча* – “гроза” [2]. Первый из них широко употребляется и в настоящее время, второй же довольно рано был утрачен.

Интересно, что еще в лексикографических источниках начала XVIII века слова *гроза* и *туча* объединяются в один синонимический ряд и семантизируются через латинское *tempestas* [9]. Впоследствии *туча* в качестве обозначения грозы вышло из употребления и не сохранилось даже в диалектах русского языка.

Также ныне забытым оказалось и аналогичное значение у слова *буря*, хотя еще в XVIII веке оно было вполне допустимым: “От содействия же обоих (молнии и грома) вместе происходит Буря, которая тогда токмо становится опасна, когда молния и удар грома случаются в одно время. Впрочем Бури уменьшают жар в воздухе и превращают случающиеся иногда в оном вредные пары в благотворные, которые спадают дождем на землю, творят ее плодородие” [10. Ч. III. С. 30].

Хотя в диалектах русского языка обычно имеется много вариантов наименования, но рассматриваемое атмосферное явление и в литературном языке, и в диалектах предпочитают называть *грозой*. В качестве термина его используют и метеорологи. Только в говорах Среднего Урала зафиксированы слова *перевала*, *перевалок*, семантически связанные с глаголом *перевалить* “пройти, исчезнуть”. Развитие же

значения, по-видимому, шло от общего (“туча”) к более конкретному (“грозовая туча”) и отсюда “гроза”.

В самых древних письменных памятниках употреблялось слово *молния*, причем его значение всегда сохраняло устойчивость, но в зависимости от района распространения несколько менялись его фонетический облик и графическое оформление: “На ту же осень зело страшно бысть, гром и мълния, град же яко яблъков боле” [2]; “И стал гром страшный и молонья”; “Как есть стала гроза вликая над нами страшна, будто гром велик и молния страшная” [6].

Яркость молнии, ее вид (а наиболее известна так называемая линейная молния, представляющая собой узкую, резко очерченную линию, возможно, с боковыми ответвлениями) лежат в основе многочисленных сравнительных оборотов: “Бе же зрак его яко мълнии” [6]; “Видев же стго святащагося яко молнии”; “Поострю мечь мой яко молнию” [2].

В начале XIX века при данном существительном впервые фиксируются два значения, одно из которых известно по древним памятникам, а второе является переносным и употребляется в тех случаях, когда “говорится также в просторечии уподобительно о вещах мгновенно являющихся, исчезающих или с невероятной скоростью протекающих: пробежало, проскакало так быстро, как молния” [3].

В современном русском языке слово *молния* имеет четыре значения, основное из которых – “разряд атмосферного электричества в воздухе в виде светящейся извилистой линии” [8]. Кроме того, возможно образное использование данного существительного: “Когда он увидел графа, в глазах его сверкнула молния” (Л. Толстой. Война и мир).

Употребление слова *молния* в сравнительных оборотах также сохранилось и в наше время: “Безумная мысль вдруг, как молния, мелькнула в мозгу Андрея Ильича” (Куприн. Молох); “Машина исчезла из глаз. Только на повороте молнией сверкнули фары и потухли” (Гладков. Энергия).

Три остальных значения слова *молния* по времени своего появления в языке очень молоды, все они увидели свет только в XX веке и возникли в результате метафорического переноса: “вид особо срочно пересылаемой телеграммы”, “вид экстренно, несистематически выпускаемой газеты, листка, освещающих особо важные, злободневные вопросы”, “вид быстро застегивающейся застежки” [8].

Диалектные варианты характеризуются фонетическими различиями и морфологическим оформлением: *молонья, моланья, молоньё, моланёнка, моланка, молмия, молня, моловья, молонье, маланья, молашка, молмия, молынье, молонка, молодня, молынья, молония* и т.д. [11–20; 5].

Для наименования молнии использовались и существительные, которые подчеркивали ее характерный ослепительный блеск и были образованы от основы *блеск/блист*. Это древнерусские слова *блескы* и

блистания: “Призовеше ли облак гласом, послушает ли ти, послешли ли блескы и поидут”; “Месяца сентября 8 блистания грозна бысть и гром велик” [6]. Хотя данные наименования рано перестали использоваться в качестве обозначения молнии, но в диалектах встречается несколько близких к ним названий, образованных от той же основы: *блиставица*, *блескавица*, *блискавка*, *блискалка* [5; 21; 22].

Общеславянское слово *Перун*, этимологически связанное с *pero*, *prati* “бить, поражать” [23], в славянской мифологии обозначало главное божество восточных славян, бога грома и молнии: “Постави [Владимир] кумиры по холму вне двора теремного: Перуна древяна, а главу его сребрену, а ус злат, и Хорса, Дажьбога и Стрибога” [2]. Позднее это слово получило иносказательный смысл и стало символически обозначать молнию или гром (особенно в поэтической речи): “Кругом его из облаков Гремящие Перуны блещут” (Ломоносов). В современных словарях такое значение слова *Перун* считается устаревшим, в живом литературном языке его нет. Оно сохранилось только в поэтических произведениях прошлого: “...Ужасно над моей главой Гремит Перун, несутся тучи” (Веневитинов. Песнь Кольмы); “Гроза прошла – еще курясь, лежал Высокий дуб, перунами сраженный, И сизый дым с ветвей его бежал По зелени, грозою освеженной” (Тютчев. Успокоение). Данные примеры показывают, что *Перун* включает в себя значения “молния” и “гром”.

Диалектное наименование *стрела* отражает характерный внешний вид одной из самых распространенных разновидностей молнии – линейной: “Стрела влетела в избу, зажгла потолок и вылетела в печную трубу” [5; 24]. Значение “молния” сохраняет и словосочетание *громовая стрела*: “И повыпала из тучи стрела громовая” [20]. В “Кратком латинском лексиконе...” Х. Целлария (1746 г.) *молния* и словосочетание *стрела громовая* считаются синонимами и объясняются через латинское *Fulmen* [25].

В некоторых говорах встречается использование слова *гроза* в более узком, чем характерно для литературного языка значении – “молния”: “Гроза-то залетела на двор, корову и теленка убило, а лошадь только парализовало” [5].

Непониманием физической природы молнии и грома объясняется факт существования в просторечии слова *гром* в качестве обозначения молнии (чаще в словосочетаниях типа *громом убило*, *зажгло* и *гром ударил* в кого-либо, что-либо): «О каком бы несчастье при нем ни говорили – рассказывали ли ему, что громом зажгло деревню, что вода прорвала мельницу, что мужик себе топором руку отрубил, – он всякий раз с ожесточением спрашивал: “А как ее зовут?” – то есть как зовут женщину, от которой произошло то несчастье» (Тургенев. Рудин). Подобное употребление слова *гром* было зафиксировано и в древних памятниках: “Зажьже гром црkvь” [2].

Таким образом, несмотря на значительное количество лексических единиц, способных обозначать видимое проявление атмосферного электричества, активно используется в современном русском литературном языке только слово *молния*. Наименования же *блеск*, *Перун*, *стрела* оказались сдвинутыми на периферию лексической системы и в рассматриваемом значении относятся к пассивному лексическому фонду.

Звук, сопровождающий молнию во время грозы, в современном русском литературном языке имеет единственное нормативное наименование – *гром*. Это общеславянское слово образовано от той же основы, что и глагол *греметь* [23]. Первичное значение слова *гром* “шум, грохот” вплоть до начала XIX века отмечается во многих словарях в качестве основного номинативного: “Гром пушек, барабанов”.

“Метеорологическое” значение слова *гром*, хотя и выделялось очень давно, но при этом мотивировалось с помощью основного, воспринималось как неразрывно с ним связанное: “Внезапу наиде туча страшна, и гром страшен, и мльняа беспрестане блистая” [6].

Но уже в Словаре 1847 года значения эти меняются местами: на роль основного выдвигается “гроза, сильный стук, треск, происходящий в облаках от электрической силы, предшествуемый обыкновенно молнии” [4]; в то же время значение “сильный стук, звук, шум” становится в позицию вторичного. В Словаре современного русского литературного языка такая последовательность значений сохраняется. Кроме того, слово *гром*, как уже было сказано, может входить в синонимический ряд наименований молнии.

В некоторых древнерусских памятниках встречается и однокоренное *гремяние*, также обозначающее гром: “Гром бысть зело велик, и стрела громная прииде в верх церковный, и падеся глава церковная..., яко поколебатися и месту от гремяния страшнаго” [6].

Слово *гром* практически не имеет каких-либо фонетических или морфологических вариантов, за исключением олонецкого *грем* [5]. Но в некоторых диалектах частотны уменьшительно-ласкательные формы: *громоток*, *громик*, *громушко* “детское название грома”, *громушка* [5; 26; 11]. Употребление диалектного *громушка* отличается необычностью: в ряде местностей оно заменяет собой обычное *гром*, являющееся там языковым табу. Подобная замена объясняется желанием задобрить могущественные силы природы, отвести возможную беду: “Во время грозы суеверные люди употребляют только слово *громушка*, слово *гром* в таких случаях находится под своеобразным запретом: громушка прогремит, и дождик пройдет” [11].

Толкование слова *грохот* как “треск, гром” [2] представляется недоказательным, так как недостаточный объем фактического материала не позволяет точно определить семантику этого существительного: “Вшедши туча грозная дождевая, и двинушася облацы, и бысть грохот, гром с молниею силен”; “Облаци друг с другом сражаеми грохот

испускають и огонь” [2]. И в том и в другом случае слово *гром* может быть отнесено как к сильному звуку, который сопровождает молнию во время грозы, так и просто к шуму, стуку.

Наименование *Перун* может употребляться не только применительно к молнии, но и по отношению к грому, что зафиксировано в ряде диалектов, например, “Перун – это сильный гром раскатывается” [14, 16, 27].

Общеизвестное *молния* – “огненный блеск, который появляется в грозовых облаках и в одно мгновение озаряет все вокруг”, может обозначать и “удар грома” [28].

То же самое относится и к слову *гроза*, которое, например, в самарских говорах равнозначно литературному *гром*: “Эх, братцы, гроза-то как гудет” [11].

Таким образом, история самых обычных слов таит в себе много интересного, так как неразрывно связана с историей мышления человека и осознанием им своего бессилия перед высшими силами природы.

Литература

1. Этимологический словарь русского языка. М., 1963–1983.
2. Срезневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка. М., 1958.
3. Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный. СПб., 1806–1822.
4. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Им. Академии наук. СПб., 1847.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955.
6. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975.
7. Словарь русских народных говоров среднего и нижнего течения р. Урал. Диалект уральских (яицких) казаков. Уральск, 1976.
8. Словарь современного русского литературного языка. М.-Л., 1948–1965.
9. Поликарпов Ф. Лексикон треязычный. Сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище из различных древних и новых книг собранное. М., 1704.
10. Нехачин Д.В., Нехачин И.В. Новое краткое понятие о всех науках, или Детская настольная учебная книга. 1796–97.
11. Словарь русских народных говоров. М.-Л., 1964.
12. Иванова А.Ф. Словарь говоров Подмосковья. М., 1969.
13. Словарь русских донских говоров. Ростов-на-Дону, 1975–76.
14. Словарь русских говоров Новосибирской области. Новосибирск, 1976.
15. Словарь русских говоров Приамурья. М., 1983.

16. *Немченко В.Н.* и др. Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. Рига, 1963.
17. *Элиасов Л.Е.* Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.
18. *Макаров М.Н.* Опыт русского простонародного словотолковника. М., 1846.
19. Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.
20. *Меркуров И.С.* Живая речь Кольских поморов. Мурманск, 1979.
21. *Пискунов Ф.М.* Словарь живого, письменного и актового языка русских южан Российской и Австро-Венгерской империи. Киев, 1882.
22. *Добровольский В.Н.* Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.
23. *Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В.* Краткий этимологический словарь. 2-е изд. М., 1971.
24. *Куликовский Г.И.* Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб, 1898.
25. *Целларий Х.* Краткий латинской лексикон с российским и немецким переводом. СПб., 1746.
26. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби. Томск, 1964–1967.
27. *Расторгуев П.А.* Словарь народных говоров Западной Брянщины. Материалы для истории словарного состава говоров. Минск, 1973.
28. *Шимкевич Ф.С.* Корнеслов русского языка, сравненного со всеми главнейшими славянскими наречиями и с двадцатью четырьмя иностранными языками. СПб., 1842.

